

УДК 327.3

АГОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ИСЛАМЕ: ШИИТЫ ПРОТИВ СУННИТОВ

Исаков Александр Сергеевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Аннотация

Статья направлена на изучение политического противостояния шиитов и суннитов. Исследование базируется на авторской методологии, предполагающей анализ мазхаба как основы для политических изменений. Результатом исследования стало выделение конфессиональных особенностей конфликтов на ближнем востоке, возникших в ходе Арабской весны; дана оценка их влияние на дальнейшее политическое развитие региона.

Ключевые слова:

шииты, сунниты, мазхаб, Арабская весна, исламизм, война в Сирии, война в Йемене, дискурс.

События так называемой «Арабской весны» актуализировали конфликтогенные латентные социально-политические процессы, лежащие в основе существования исламской уммы. Обострение экономической проблематики, кульминацией которой стали уличные протесты и смена режимов в ряде арабских государств, обострили религиозные противоречия внутри исламского мира.

На сегодняшний день, в исламской умме остаются актуальными два основных направления, институционально объясняющих политический нарратив мусульманской веры: суннизм и шиизм. Именно в рамках данного бинарного измерения выстраивается конфессиональная коммуникация исламского мира. Следовательно, возрастание нестабильности, детерминированное политической, социально и экономической повесткой; приводит к возрастанию дивергенции и поляризации догматических разночтений.

Каждое из направления старается предложить модели и концепции стабилизации политического развития для государств, ставших реципиентами революций, народных волнений или гражданских войн.

На сегодняшний день порядка 85% мусульман во всем мире являются приверженцами суннизма. Шиизм является конфессией лишь 15% мусульман земного шара. Однако политическая роль последних активизируется. Мусульмане-шииты самоактуализируют свое аутентичное участие в рамках мусульманской уммы в качестве инициаторов политических концепций, сопряженных с разработкой проектов политической модернизации, точечных политических изменений или проектов стабилизации постагональных социумов.

Изучению концептуальной и институциональной роли мусульман-шиитов посвящено множество исследований, как в отечественной,

так и в зарубежной науке. К числу российских ученых, подробно рассматривавших активизацию политической роли шиитов относятся А. Малашенко, [3, с. 134–136] Г. Мирский [4], Е. Сатановский [5]. Особо стоит отметить академический сциентистский дискурс, инициированный рядом экспертов МГИМО, ставшим реакцией на события «Арабской весны» в целом, и активизации шиитов в частности [2]. Зарубежное измерение изучения взаимоотношений шиизма и суннизма также имеет стойкие академические позиции. В данном контексте стоит особо отметить доклады корпорации RAND [8; 10] и работы ряда аналитиков, предопределивших антропологический контекст данных событий, к которым можно отнести Д. Эспозито [7], А. Сальваторе и М.Х. Масуда [9].

Социально-политический и культурологический контекст данных работ подчеркивает исторические разногласия, сложившиеся у мусульман шиитского и суннитского вероисповедания. При этом отмечается, что основой этих противоречий является различное понимание процесса инициации политических изменений в обществе. Поскольку революционная активность в странах исламского мира возрастает, то вопрос об инициации политических изменений приобретает особую актуальность.

На основе каждого направления мусульманской веры формулируется определенный набор политических концепций, дающих ответ на глобалистский вызов «Арабской весны». Институциональная основа данных концепций зиждется на канонических постулатах веры и имеет ассоциативно-агональную природу. «Этот процесс происходит на фоне исторически укоренившегося в религии разделения на толки, секты и братства, и прежде всего на две главные ветви: суннизм и шиизм. Они возникли на почве догматических расхождений почти 14 веков назад. Сегодня они все больше несут политическую окраску и проецируются на ткань межгосударственных отношений, что привлекает внимание политиков, экспертного сообщества и ученых» [2].

Любые концепции политических изменений эвристически инициируются нормативно-

правовыми школами – мазхабами, историческая функция которых заключается в интерпретации происходящих изменений в обществе. Со стороны суннитского направления актуальными остаются четыре мазхаба: ханафитский, маликитский, шафиитский и ханбалитский. Каждая правовая школа, в большей степени, совокупно отличается двумя критериями. Во-первых, ранжируется по степени необходимости исламизации общественной жизни при имплементации политических изменений. Во-вторых, имеет индивидуальное измерение в рамках дихотомии национализм-космополитизм.

Ханафитский мазхаб является наиболее религиозно-умеренным направлением, не предполагающим обязательную исламизацию общественной жизни. Это подразумевает, что политический процесс не имеет значимого сопряжения с теологической мыслью. К ханафитскому течению суннитского ислама относятся: Турция, постсоветская центральная Азия, Афганистан, Пакистан, Бангладеш, Албания, Босния и Герцеговина; частично: Египет, Сирия, Ирак, Ливан, Иордания, Палестина.

Политические детерминанты данного мазхаба основываются на особом понимании традиций как критерия допустимости новаций: в случае если новация соответствует воле большинства, то она приобретает презумпцию приемлемости и становится традицией. Это позволяет легитимировать любые политические изменения в обществе с помощью института выборов, либо неформальной поддержки общественным мнением. Также стоит отметить, что данное направление веры предполагает ориентацию на создание национальной идентичности как универсум разрешения политического кризиса.

Шафиитский мазхаб является умеренным направлением, отдавая приоритет исламизации общих норм поведения, не затрагивающих частную жизнь. Шафиитскому течению суннитского ислама принадлежат страны юго-восточной Азии: Малайзия, Индонезия, Бруней; а также, Мальдивские и Коморские острова, частично Йемен, Эритрея, Джибути, Сомали.

В рамках данной правовой школы популяризировался принцип «цивилизованного ислама», предполагающий использование религии в качестве гаранта соблюдения светских законов. В свою очередь, это оставляет возможным плюрализм концепций политического развития, предполагающих полную свободу действий в частной жизни, если она не противоречит закону светскому. При этом, воля большинства не является критерием установления политических норм и не рассматривается в качестве возможного вектора институционализации политических изменений при возникшем кризисе.

Маликитский мазхаб допускает значимую исламизацию общественной жизни, источником которой является высокий уровень традиционализма исповедующих обществ. Это предполагает всестороннее ограничение политического рационализма при имплементации любых политических изменений. Естественное ограничение рационализма смягчается вариативным идейным пространством социальной справедливости, подразумевающим возможность регулирования любых сфер общественной жизни государством, если это является необходимым и целесообразным для воспроизводства социума. Сторонники данной правовой школы проживают в странах Африки: Марокко, Мавритании, Тунисе, Ливии, Нигерии, Мали, Судане, Буркина-Фасо, Сенегале, Гвинее, Гамбии, Сьерра-Леоне, Чаде, Нигере, а также частично в эмирате ОАЭ Абу-Даби.

Для данной правовой школы также свойственно отрицание демократического выбора как критерия политических изменений. При этом подчеркивается, что детерминация вектора политического развития государством также ограничена нормами ислама и его интернациональным характером, подчеркивающим единство уммы и исключаящим построение национального государства.

Ханбалитский мазхаб является наиболее традиционалистским и ортодоксальным из всех правовых школ в суннитском исламе. На данный момент ханбализм доминирует в Саудовской Аравии, Катаре, ряде эмиратов ОАЭ и как догматическая основа суннитской

элиты Бахрейна. Согласно его постулатам, любые политические изменения соотносятся с принципом Б'ида и имеют негативную презумпцию.

Это означает, что анти-агональный потенциал ханбалитской школы крайне узок. В качестве ориентации исламского общества, находящегося в период нестабильности, данный мазхаб может рассматриваться только с позиции его универсальности, достигаемой за счет крайнего космополитизма и социального капитала. Основой данных ресурсов выступает экономическая мощь и особая ритуальная роль – охранение городов Мекки и Медины Саудовским государством.

Совокупно, суннитское направления в исламе представляет собой обширный концептуальный репертуар для общественного развития любого мусульманского общества, столкнувшегося с кризисом. Конструктивная роль подобного плюрализма осложняется крайней внутренней дивергенцией, характеризующейся поляризацией политических конфликтов среди суннитских стран, принадлежащих к разным мазхабам. Их консолидация возможна только на временной основе, направленной против какого-либо шиитского режима, как это происходило в Сирии и Йемене. «Для господствующих в большинстве мусульманских стран суннитов, власть шиитов, как и алавитов – это вызов практически всем суннитским государствам региона» [1, с. 81].

С другой стороны, возможность подобной временной консолидации нивелирует универсалистский характер исламского космополитизма, исключая возможность совместного существования. «Как одна, так и другая страна столкнулись с неожиданным для них развитием ситуации – началом войны суннитов против шиитов и алавитов... Углубление этого раскола фактически положило конец надеждам на общеисламское единство» [1, с. 83].

На возрастание политической гегемонии суннитских стран и наращивание их агонального потенциала, возникает аксиологическое противодействие со стороны шиитских обществ. Вопреки дивергентным тенденциям суннизма,

в шиизме происходит конвергенция. Статус меньшинства позволяет мусульманам-шиитам отходить от внутренних противоречий, формируя собственное универсалистское видение политического развития таких стран как Иран, Сирия, Ирак, Ливан, Йемен и, как идеология оппозиции, Бахрейн.

Генеральной линией шиизма является институционально закрепленный политический проект, реализованный в ходе исламской революции 1979 года в Иране на базе шафитского мазхаба. Догматические особенности данного направления предполагают, что власть в любом исламском обществе должна принадлежать прямым наследникам Пророка, линия которых угасла. Для разрешения данной задачи был разработан исламский принцип «велеят-е факих» (покровительство учителя), предполагающий, что до проявления потомков Пророка высшая политическая власть в стране должна находиться в руках исламского духовенства, выступающего универсальным медиатором всех социальных противоречий в обществе.

Данная модель экстраполируется и на другие шиитские политии, в частности – Ливан, перспективно – Ирак. Однако в состав так называемого «шиитского» мира также входят Сирия и Йемен, политическая власть в которых принадлежит представителям не джафаритской школы. Правящая элита Сирии – алавиты, власть в Йемене захвачена зейдитами. Оба этих направления имеют значимые теологические различия с официальной религией Исламской Республики Иран, но рассматриваются как дружественные мусульманские страны, в будущем формирующие единую анти-суннитскую ось, реализованную, в частности, на основе отказа от национальной идентичности. «Это обстоятельство, в свою очередь, уже сегодня (в свете, в частности, событий в Сирии и участия в них движения Хизбалла) ставит вопрос о росте противопоставления суннитской (рассматриваемой в качестве арабской национальной матрицы) версии ислама и иранского шиизма» [6, с. 66].

Реакция со стороны суннитского мира на формирование подобной оси крайне нега-

тивная. Видимая консолидация лидеров суннитского мира Египта, Турции и Саудовской Аравии усиливает межконфессиональное противостояние. При этом, абсолютно актуальным остается и конфликтогенный потенциал суннитских мазхабов, имеющих различное представление о политическом развитии стран-реципиентов кризисных явлений Арабской весны.

Подобное противостояние уже имеет ряд крупных политических последствий. Во-первых, происходит полное нивелирование идеи общеисламской интеграции, что провоцирует долгосрочный конфликт. Предлагаемые методики его разрешения зиждутся на призывах к насильственной ликвидации прошитских режимов. «Насильственная же смена власти, к которой призывали внешние акторы, была чревата новым, более масштабным кровопролитием и гражданской войной, которая наверняка может выплеснуться за пределы страны и принять крайне опасный характер затяжного суннитско-шиитского конфликта» [1, с. 10]. Во-вторых, бинарный конфликт суннитов и шиитов порождает третью сторону, являющуюся отражением кризиса и позиционирующую себя как с позиции анти-агонального унионизма.

Подобная сила выступает как крайний экстремум религии, настаивая на полноте собственного универсализма, исключительной роли в политических конфликтах и носителя единственной верной «чистой» религии, лишенной догматически-культурологических противоречий. В актуальных конфликтах такой силой стала группировка Исламское Государство Ирака и Леванта, или просто «Исламское Государство».

Представители группировки, создавшие квазигосударство на территории Сирии и Ирака, а также частично Йемена и Ливии; выступают антагонизмом как к суннитским акторам, так и к шиитским, представляя собой некий агональный экстремум, порождённый Арабской весной. С одной стороны, появление подобной группировки смягчает возникшую дивергенцию в Исламе, так как консолидирует

любые традиционные исламские силы. В частности, это можно проследить в конфликте в Йемене, где захватившие власть зейдиты идут на сотрудничество с суннитами из южной части страны, для того чтобы противостоять присягнувшим ИГИЛ сторонникам Аль-Каиды. С другой стороны, приводит к эскалации и инициации латентных конфликтов, существовавших в исламском мире.

На сегодняшний день в исламе характерно наличие институционально оформившегося политического противостояния между шиизмом и суннизмом. Конфронтация усиливает наличие дивергентного потенциала, заложенного историей в исламском учении. Догматическая стратификация религии на правовые-школы подразумевает, что сторонники единого течения веры имеют разные представления о толковании природы политических событий и политических изменений. Отсюда следует и возникновение различных механизмов влияния на политические процессы и, что более важно, дифференцированные представления о политическом развитии.

Совокупность этих представлений экстраполируется на полосу нестабильности, созданную Арабской весной. Каждое учение предполагает собственный аутентичный подход рассмотрения, локализации и нормализации возникших конфликтов. Учитывая, что большая часть концептуального репертуар данных подходов кристаллизуется в лоне суннизма; это приводит к интенсификации участия шиитов в политических процессах исламской уммы. При этом, вопреки дивергентным процессам в суннизме, шиитское направление веры демонстрирует конвергенцию, синтетически сочетающую и сближающую позиции различных религиозных меньшинств, как алавиты и зейдиты.

Возникший на основе данных политических процессов агональный дискурс ислама провоцирует появление третьих сил, на основе реваншизма пытающихся выработать универсальный институциональный способ адаптации посткризисных обществ к условиям современ-

ного мира. К таким силам принадлежит группировка ИГИЛ, претендующая на реставрацию халифата и ставящая своей целью объединение исламского мира в единое государство.

1. Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред-ры: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: ИВ РАН, 2012.

2. Зинин Ю.Н. Шиитско-суннитские отношения. В чем причина растущего антагонизма? [Электронный ресурс] // ЦентрАзия. – URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1355496360>.

3. Малашенко А. Исламская альтернатива и исламский проект. – М: Весь Мир, 2006.

4. Мирский Г.И. Шииты в современном мире // Россия в глобальной политике. – 2005. – № 6.

5. Сатановский Е.Я. Революция и демократия в исламском мире [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. – URL: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Revolyuciya-i-demokratiya-v-islamskom-mire-15101#>.

6. Типология конфликтов: «новые войны» и ситуация на ближнем востоке (сборник) / Отв. ред. И. Я. Кобринская – М.: ИМЭМО РАН, 2013.

7. Эспозито Дж. Ислам. Почему мусульмане такие – М.: Эксмо, 2011.

8. Elson S.B., Nader A. What do Iranians think? – Santa Monica: RAND, 2011.

9. Masud M. Kh., Salvatore A., van Bruinessen M. Islam and Modernity – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.

10. Nader A., Thaler D.E. The Next Supreme Leader: Succession in the Islamic Republic of Iran – Santa Monica: RAND, 2011.

11. Salmoni B.A., Loidolt B., Wells M. Regime and Periphery in Northern Yemen: The Huthi Phenomenon – Santa Monica: RAND, 2010.

1. Blizhnij Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiya: chto dal'she? Sbornik statej / Otв. red-ry: V.V. Naumkin, V.V. Popov, V.A. Kuznecov / IV RAN; Fak-t mirovoj politiki i ISAA MGU im. M.V. Lomonosova. – М.: IV RAN, 2012.

2. Zinin Yu.N. Shiitsko-sunnitskie otnosheniya. V chem prichina rastushhego antagonizma? [E'lektronnyj resurs] // CentrAziya. – URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1355496360>.

3. Malashenko A. Islamskaya al'ternativa i islamskij proekt. – М: Ves' Mir, 2006.

4. Mirskij G.I. Shiity v sovremennom mire // Rossiya v global'noj politike. – 2005. – № 6.

5. Satanovskij E.Ya. Revolyuciya i demokratiya v islamskom mire [E'lektronnyj resurs] // Rossiya v global'noj politike. – URL: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Revolyuciya-i-demokratiya-v-islamskom-mire-15101#>.

6. Tipologiya konfliktov: «novye vojny» i situaciya na blizhnem vostoке (sbornik) / Otв. red. I. Ya. Kobrinskaya – М.: ИМЭМО РАН, 2013.

7. E'spozito Dzh. Islam. Pochemu musul'mane takie – М.: E'ksmo, 2011.

8. Elson S.B., Nader A. What do Iranians think? – Santa

Monica: RAND, 2011.

9. Masud M. Kh., Salvatore A., van Bruinessen M. Islam and Modernity – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.

10. Nader A., Thaler D.E. The Next Supreme Leader: Succession in the Islamic Republic of Iran – Santa Monica: RAND, 2011.

11. Salmoni B.A., Loidolt B., Wells M. Regime and Periphery in Northern Yemen: The Huthi Phenomenon – Santa Monica: RAND, 2010.

UDC 327.3

AGONISTIC DISCOURSE IN ISLAM: SHIITES AGAINST SUNNIS

Isakov Aleksandr Sergeevich,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Sciences,
Graduate student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Annotation

The article aims to explore the political conflict between Shiites and Sunnis. Research is based on the author's methodology assuming the analysis madhhab as a basis for political changes. The result of the research is describing of confessional peculiarity of the conflicts in the Middle East that emerged during the Arab spring; also the estimation of their influence on the future of region political development.

Key words:

Shiites, Sunnis; madhhab, Arab spring, Islamism, war in Syria, war in Yemen, discourse.